

На помощь героическому народу Испании

Мы твердо уверены в вашей победе

ОБРАЩЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ К ЖЕНЩИНАМ ИСПАНИИ

Трудящиеся женщины Испании! О военном следствии мы, ленинградские писательницы, за вашей героической борьбой против озверевших фашистов.

Было время, когда враг стоял в 20 километрах от нашего города, города Ленина. Тогда все трудящиеся женщины нашего города вместе со своими мужьями и братьями вышли на его защиту и отстояли его от белогвардейских банд. Поэтому особенно близко нам, ленинградским женщинам, все то, что переживаете вы в эти дни.

Каждая из вас знает и знает страдания, причиняемые вам и вашим детям, заставляет наши сердца сжиматься от боли за вас и от нежности к вашим мучителям.

Каждая ваша победа открывает нам

порядок и придает нам новые силы в работе за окончательное построение социализма в нашей стране, родине всех трудящихся женщин.

Наше самое страстное желание — посылить вам и вашим детям для достижения победы.

Мы ждем 1000 рублей, отчисляемых из гонорара за наши произведения, и просим выложить эти деньги в организацию детского читательского пункта в г. Мадриде.

Мы твердо уверены в вашей победе, в том, что у вас и ваших детей будет такая же счастливая жизнь, как наша.

Е. ПОЛОНСКАЯ, Д. БЕРГОЛЬЦ, А. РАДЛОВА, Л. ПОЛОВА, Н. РЫНОВА, С. НЕМЕРОВА, З. ВЫГОДСКАЯ, В. ВАЛЬДМАН.
Ленинград.

Вы боретесь за великие права

Гордый привет славным защитникам демократической Испании!

Трудно найти слова, достаточно сильные и яркие, чтобы выразить все наше восхищение, всю нашу любовь и надежду, с которыми мы, женщины Советской страны, следим за вашей героической борьбой.

Вы боретесь с озверевшей бандой фашистов за великие права женщины на труд, на материнство, на радость и счастье для ваших детей.

Что может быть священнее этой борьбы! И как бы враг ни лютował, из вашей крови, из ваших страданий, из вашего великого мужества растет и близится победа над фашистами.

Н. СТАВСКАЯ

Моя мать — делегат международного конгресса движения за мир — привезла из Брюсселя спичечную коробку, которую ему подарил испанский коммунист, дважды раненный на фронте в борьбе с фашистами.

Эта коробочка — символ и сердечный подарок — для нас сигнал. Наши товарищи в нужде. Они вступают в героическую борьбу в невероятных условиях. Им надо помочь.

Я посылаю испанским бойцам и их детям три пары мужского белья, три пары детского, пять пар носков, десять килограмм сахара и пять сотен папирос.

ЕЛЕНА КАСИЛЬ

Далеким братишкам моего сына

С волнением следа за потрясающей героической судьбой женщины и детей Испании, каждая из нас еще раз с новой силой и гордостью ощущает счастье быть гражданкой единственной в мире страны, где закон охраняет гражданское достоинство женщины, где никто не посмеет посягнуть на свободный труд работ-

ницы, где небывалым почетом окружено само звание матери и священны счастье, рост и сон детей.

Сестрам нашим — испанским матерям, их детям — далеким братишкам моего сына, я шлю свою скромную маленькую помощь и взношу в предназначенный им фонд 250 руб.

ЕЛЕНА КАСИЛЬ

ФОНД ПОМОЩИ ЖЕН ПИСАТЕЛЬНИЦ

Жены ленинградских писательниц развернули сбор денег в фонд помощи матерям и детям героической Испании.

В первый же день собрано свыше 1000 рублей. Кн. Шишкова внесла 100 руб., Л. Толстая — 100 руб., А. Воронова-Беспамятнова — 100 руб., В. Прокофьева — 50 руб.

Советом жен ленинградских писательниц получена телеграмма от отдыхающих в доме отдыха Ленинфонда в Коктебеле о переводе 300 руб., собранных для матерей и детей Испании.

Сотрудницы аппарата Ленинградского ЦСН, Дома писателей и группы писателей собрали свыше 500

рублей. Сбор продолжается.

Член совета жен писателей Ольга Третьякова, находящаяся в загородной поездке, сообщила по телефону, что она вносит в фонд помощи матерям и детям испанского народа 100 руб.

За последние дни в совет жен московских писательниц поступили следующие взносы в фонд помощи матерям и детям испанского народа: от Т. Погодиной — дополнительно 300 рублей, от Ирины Вирта — 200 руб., от Т. Гусевой — 250 руб., Свободина-Зенкевич внесла 100 руб., Ф. Беспалова, вместе со своей дочкой Софией Беспаловой шлет испанским детям 40 руб.

ИСПАНСКИМ СЕСТРАМ

Сквозь окна солнце брызнуло, лаяла, кука, на стены, коврик и кровать. Два юнчка, два веселых пошула Тихоно рабдулила мать. Заря в то утро пламенела ало, Но рот ребенка сплелся с ней, И солнце как ни жарко цвеловало, Был детский пошегу нежней. — Кто в эту ночь тебе приснился, мама?

Скажи, отец или может я? — Но мать, бледная, строга, глядела прямо.

— Во сне сестру видала я. — Сестра есть у тебя? Узнай впервые.

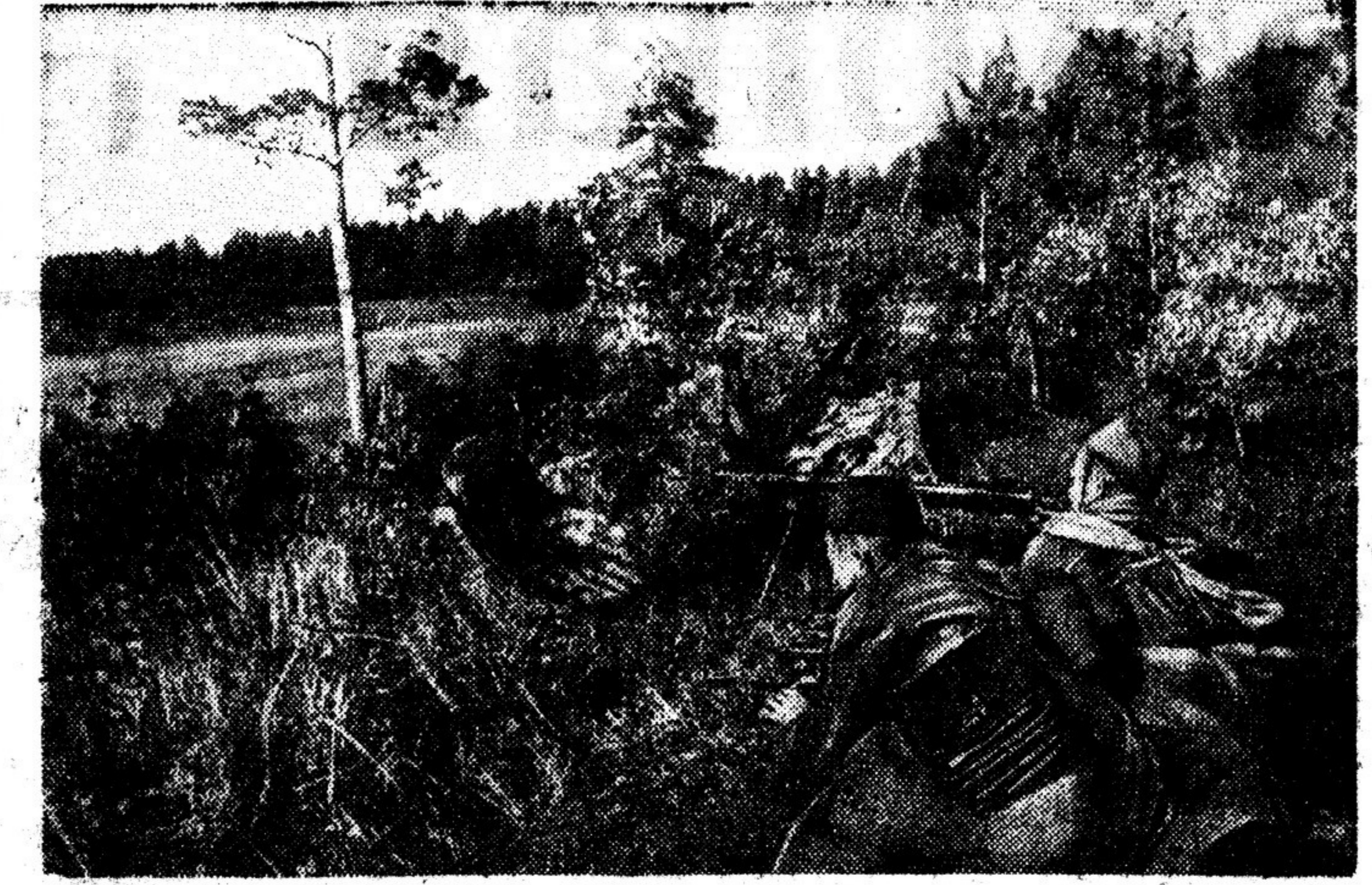
— Расскажи тебе о ней. Она идет сквозь грозы боевые, И грома клая ее звучней. Ее бесстрашие увидевши, очи,

БАНУ

Бойцы кидаются в огонь. Тверд пулемет в руке ее рабочей. Под ней, как ветер, мчится конь. Она иду, она и знамя держит, И равным дарит свой сон.

К ней, словно к исцеляющей надежде, взор внемлющих устремлен. Я сердце бы свое послать хотела С ней разделить и боль и гнев. О как она смеялась бы и пела, Врагов народа одолев!

Пойдем, мой сын. Стоит высоко солнце. Тебя ждут книги, труд — жила. Мы поможем сестре испанской козням Теченье трудового дня. Р. С. Гонорар взношу в фонд помощи.

Осенние тактические учения войск Московского военного округа. На снимке: пулеметчик т. Осипов обстреливает пехоту «красных». Фото Ф. Кислова (СОЮЗФОТО)

БОЕВАЯ ЗРЕЛОСТЬ

А. СЕРАФИМОВИЧ

Несколько дней я пробыл на тактических учениях войск Московского военного округа. Находясь на полях учений, мне пришлось столкнуться с командирами и бойцами всех родов войск, летчиками, кавалеристами, танкистами, артиллеристами. Побывав в танковых, авиационных частях, в кавалерии. Всюду красноречием с большим увлечением и энтузиазмом действовали на маневрах, забывавя условную обстановку. Каждый из них соревновался на лучшем проявлении своих боевых качеств: выдержки, военной хитрости, инициативы, мужества, быстроты в решении трудных и сложных тактических задач.

Исключительное впечатление оставила выдержка «красных» более чем двухчасовое десантное отвлечение в глубины расположения «противника».

Бойцы-парашютисты спускались, как из неба. Это было великолепное зрелище. Появление такого воздушного десанта в тылу для любого про-

тивника является самым неожиданным и опасным сюрпризом.

Танкисты с исключительным искусством преодолевали сложные препятствия и препятствия. Атака танков оставила неизгладимое впечатление. Нужно было войти реку. Танкисты переплывали. Бойцы действовали в брод. Великая быстрота действий, высокая мобильность, искусство управления и единство действий на всех этапах проходило учения Московского военного округа.

В самых сложных ситуациях бойцы и командиры показывали прекрасные образцы отваги, находчивости.

Я наблюдал, как колхозники, труженики района маневров, с необычайно напряженным вниманием следят за учениями. Их лица выражали гордость и радость за своих бойцов и командиров, овладевающих боевой техникой. Они могут спокойно работать. Вооруженные силы

нашей страны крепко стоят на страже.

Тактические учения дали мне большую творческую зарядку.

Я вообще убедился, как далеко шагнула наша родная Красная армия. Я знаю парскую армию, видел ее маневры, хорошо знаком с революционной армией — армией гражданской войны. Ничего похожего нет. Наша современная Красная армия, оснащенная самыми разнообразными техническими средствами борьбы — люди сталинской закалки, большевистского мужества руководят ею.

Прекрасный разбор тактических учений войск дали народный комиссар обороны маршал Советского Союза тов. К. Е. Ворошилов и маршал Советского Союза г. Тухачевский и Егоров.

Пробывание на маневрах показало мне все величие, всю мощь и строгость рядов Красной армии. Такая армия сумеет любое препятствие преодолеть. Такая армия непобедима.

Пехота

Вс. ВИШНЕВСКИЙ

Пехота подходит, сняв штаны, к воздушным кораблям. Летит, как в теплушки, никогда эта пехота раньше не летала.

Трава полегла на всем поле, — выключил мотор. Пехота шагнула в воздух — километр отлет на четырехестах. Слыт, как жуют, обмениваются записочками: «Лай покурить».

Корабли снижаются на минуту — выкасают землю; по полю ветер и пыль. Пехота — полк за полком — прыгает и исчезает в джунглях, перелезают, в болотах. И вновь — джунгли, тропинки, полянки, далекие кукурузные поля, воронье на остатках живности. По утрам — в росе и холоде деревьев. Смырнота почвы; от полыханий к поволокам — земляной дух. Шагает пехота, — третья сотня километров. И что бы ни гудело, ни скрежетало и ни гремело в воздухе — над землей и водой, — и не свожу лад с этой земной спокойной пехоты. Она идет молча, укрыто, иногда почти незаметно в редких перелесках и кустарнике. Это даже не кадры ровные полки. Это территориальные части: колхозная волжская, московская, тульская и иная пехота.

Пехота шагает несильно. Не вякают манеры, не бьют доклады. Не режут плечи белые российские брезентово-кошачьи лапки. Идет упрямый шаг двадцатилетний — напор.

Пехота подходит, сняв штаны, к воздушным кораблям. Летит, как в теплушки, никогда эта пехота раньше не летала.

Трава полегла на всем поле, — выключил мотор. Пехота шагнула в воздух — километр отлет на четырехестах. Слыт, как жуют, обмениваются записочками: «Лай покурить».

Корабли снижаются на минуту — выкасают землю; по полю ветер и пыль. Пехота — полк за полком — прыгает и исчезает в джунглях, перелезают, в болотах. И вновь — джунгли, тропинки, полянки, далекие кукурузные поля, воронье на остатках живности. По утрам — в росе и холоде деревьев. Смырнота почвы; от полыханий к поволокам — земляной дух. Шагает пехота, — третья сотня километров. И что бы ни гудело, ни скрежетало и ни гремело в воздухе — над землей и водой, — и не свожу лад с этой земной спокойной пехоты. Она идет молча, укрыто, иногда почти незаметно в редких перелесках и кустарнике. Это даже не кадры ровные полки. Это территориальные части: колхозная волжская, московская, тульская и иная пехота.

Пехота шагает несильно. Не вякают манеры, не бьют доклады. Не режут плечи белые российские брезентово-кошачьи лапки. Идет упрямый шаг двадцатилетний — напор.

Пехота подходит, сняв штаны, к воздушным кораблям. Летит, как в теплушки, никогда эта пехота раньше не летала.

Трава полегла на всем поле, — выключил мотор. Пехота шагнула в воздух — километр отлет на четырехестах. Слыт, как жуют, обмениваются записочками: «Лай покурить».

Корабли снижаются на минуту — выкасают землю; по полю ветер и пыль. Пехота — полк за полком — прыгает и исчезает в джунглях, перелезают, в болотах. И вновь — джунгли, тропинки, полянки, далекие кукурузные поля, воронье на остатках живности. По утрам — в росе и холоде деревьев. Смырнота почвы; от полыханий к поволокам — земляной дух. Шагает пехота, — третья сотня километров. И что бы ни гудело, ни скрежетало и ни гремело в воздухе — над землей и водой, — и не свожу лад с этой земной спокойной пехоты. Она идет молча, укрыто, иногда почти незаметно в редких перелесках и кустарнике. Это даже не кадры ровные полки. Это территориальные части: колхозная волжская, московская, тульская и иная пехота.

Пехота шагает несильно. Не вякают манеры, не бьют доклады. Не режут плечи белые российские брезентово-кошачьи лапки. Идет упрямый шаг двадцатилетний — напор.

Труд и человек в творчестве М. Горького

В. ЕРМИЛОВ

В «Диалектике природы», в главе, которая называется «Роль труда в процессе отчуждения обезьяны», Энгельс дал основы марксистского учения о происхождении человека, о происхождении и развитии речи и мышления. Энгельс показал, как язык и мышление развиваются из процесса труда, как сначала труд, а затем и речью с ним целесообразная речь явилась самым главным стимулом, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг. В этом смысле Энгельс и говорит, что труд создал самого человека. Определенная деятельность человека от животного, Энгельс подчеркивает **власть над природой**: человек заставляет природу «служить своим целям, господствует над ней. И это последнее — важное отличие человека от остальных животных, в этом отличие человек опять-таки обязан трудом (облагодорожению).

Но тут же Энгельс предупреждает, что не следует слишком обольщаться нашими победами над природой, потому что, при капитализме, в сущности, нельзя говорить о господстве над природой человека. За каждую победу над ней она нам мстит. Анархизм, беспомощность капиталистического общества приводит к хищническому использованию природных богатств, а насилию над природой и тем самым к подчинению ей, потому что думают только о непосредственной эгоистичной выгоде и не умеют ни предвидеть, ни регулировать последствий своего вмешательства в природу. В результате победа человека над природой обернется поражением. Только при социализме человек достигает полного господства над природой и, можем мы сказать, основываясь на анализе современного неразумного капитализма (облагодорожению), — подлинное человеческое благополучие. Человек освобождается от слепой зависимости от природы и достигает единства с ней, кончат с универсальной для него работоспособностью стихийными силами природы. Труд при социализме «облагорожен» тем, что ему придан сознательный, планомерный характер, — **воздействие человека на природу,**

ее изменение при социализме теряет черты случайности, обобщающей человека с животным, и становится подлинно человеческим.

Труд «создал самого человека», он определил все развитие человека, его «облагорожение», самая **человечность** зависит от труда. Если труд извращается к случайному, анархическому хозяйничанью, если труд обесмысливается и обезличивается, то обезличивается и извращается на положение животного человека. Поэтому капитализм направлен против человека и человечности. Паразитизм, эксплуатация чужого труда неизбежно порождает разрушение человечности, озверение и эксплуатацию. Вместе с тем трудовое человечество во главе с пролетариатом формирует новую, подлинную человечность, которая может утвердиться на земле только при победе социализма. Капитализм сам воспитывает своего противника. Всем трудящимся социализм доказывает эти истины марксизма, впервые в художественной литературе обясняя жестокое угнетение и «обесчеловечивание» человека положением труда в капиталистическом обществе, ожережье и беспомощность — паразитизмом, ростом новой человечности — связью с трудом, борьбой с эксплуатацией.

Идеалистическое мировоззрение до такой степени завлечет еще умая, — писал Энгельс, — что «железные материалистические мысли естественности, то есть философия Дарвина не могут себе оставить всякого представления о происхождении человека, так как в силу влияния этого идеалистического мировоззрения они не видят роли, которую играл при этом труд». Мы можем сказать, что даже наиболее передовые художники до Горького, даже те из них, которые принадлежали к материализму в своем творчестве, самые яркие гуманисты не могли быть последовательными борцами против «унижения и оскорбления» человека, так как они не видели решающей роли, которую играют в этом унижении те производственные отношения, в которые вступает человек в капиталистическом обществе.

В самых ранних своих произведениях Горький сразу выступает и с

большой отметить **внимательность** горьковского пейзажа: в трудовом пейзаже, пропитанном нами, непосредственно содержится оценка, тот **приворот искусства** над явлениями жизни, о котором говорил Чернышевский. Горьковский пейзаж — всегда пейзаж-приворот, пейзаж-оценка.

В этом смысле горьковский пейзаж напоминает пейзаж поднего Толстого, — вопочин, например, городской пейзаж, которым открывается «Воскресенье».

«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовали ту землю, на которой они жили, как я забавная выманная земля, чтобы ничто не росло на ней, как ни она была всячески приспособлена к труду, как ни дымилась каминным углем и нефтью, как ни обрубывали деревья и ни выгоняли животных и птиц, — все-таки была несюда даже и в городе... Весты были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, красота, расползающаяся к миру, согласно и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом».

Оба пейзажа дают оценку существованию людей, осуждают глубокое противопоставление между ними и человеком, оба гуманистичны, человек по своей сути. Но в то время как «человек» в толстовском пейзаже абстрактен, в горьковском он вполне конкретен, это — человек, создающий материальные ценности своим трудом. В толстовском пейзаже человеческие законы противопоставляются естественным, «божским» законам; в горьковском — речь идет о вполне конкретных противоречиях общественности, о труде, при котором создание человеческих рук, человеческого гения становится враждебным ему, при котором создание самих людей происходит и обличивает их. В толстовском пейзаже заключен вывод,

который можно, примерно, выразить так: противопоставление будет устранено, тем, что естественные, «божьи» законы возьмут свое, вопреки противодействию людей. Весна всегда есть весна... «Вывод» горьковского пейзажа конкретен: противопоставление будет устранено **самим человеком**, создающим ценности, потому что если он создаст все то, что поработило и обезличило его, то он же сможет и перевернуть это соотношение, взять власть над тем, что им создано. Горьковский пейзаж активен в том смысле, что он всегда — **призыв к действию**. Толстовский же пейзаж есть **пейзаж-расуждение**. Оба гуманистичны, но один носит отчетливый характер, другой конкретен, потому что человечность его связана с борьбой за освобождение труда.

В горьковском пейзаже мы чувствуем торжество, оскорбленность, что труд превращен в проклятие, что человек поработен продуктами своего собственного труда. Мышцы, «блестящие на солнце дорожником», и пыльные, жалкий человек, даже забытый о том, что он создал эти машины, — это сопоставление Горький рисует как поэму жестокой реальности. «До слез смешны» фигуры людей... До слез — потому что Горький знает другой облик этих людей, по-настоящему рабским трудом, — облик, подлинно подлинного величия.

В мировой литературе мало художников, которые умели бы с горьковской силой воспевать радость и счастье общественного труда, «ворство» делания» Горький был первым художником, выразившим скорбь миллионов людей об утерянной радости труда, об отнятом праве на труд. Горький выразил двойственность отношения народа к труду — в мире, исказленном капитализмом. На раннем этапе творчества Горький ощущает проклятие рабского труда с такой остротой, что в его творчестве звучат некоторые нотки — не то, что симпатии, но — извостное сочувственное отношение к **огрицательному труду**, вроде Чельды и других «обскаков». Эта почва очень скоро оставалась и труд всегда предстает в дальнейшем у Горького как проклятие и как самая огромная человеческая радость — вернее: как радость, превращенная в проклятие.

«...Мне хорошо памятен день, когда я впервые почувствовал героическую поэму труда» — писал Горький в «Моих университетах».

Ромэн Роллану

Гасем ЛАХУТИ

Советским ты назвал Иран мой. Почти я Новолюблю плачу я, о друг мой благородный! Да, я Ирана сын, но только вспоминаю Могуче о родине и о родном народе. И здесь у родинки, и жинты мне, Иран — Мираж кровавый на пустынной небосводе. В гнезде жар-птицы я, по коршуна полет Духа моего порою еще дождит. Меся, как светишь рай, советский нежит край. Но в ад я падал, лишь со мной мне выходил. О тебе бредящих замученных друзей, Что по ночам вокрут меня несчастью бродят! В пышке твоим прочел я и заблудившись вест, Проросскую вест о счастье и свободе, Слова твои в ушах моих звучат, как рог. Как рогот труб в освободительном походе. Могучей радостью ты сердце мне жажет, И джета стик мой, словно реки в половоде. Так соловьиная влетает вонче пелес, Лишь возвестит зарю о солнечном восходе.

Дорогой г. Лахути!
После иранского союда украсила праздник моего семидесятилетия, и сердце мое радуется этому. Благодарю вас сердечно и шлю через вас горячий привет вашему славному иранскому народу, в который советская революция вдохнула новую жизнь.
Братски ваш РОМЭН РОЛЛАН.
Вильнес, вилла Ольга, 26 мая 1936 г.

Дорогой г. Роллан!
Получил ваше письмо, лежа в сажающей творческой зарядке, и читал его, как чудесный рецит, несущий исцеление. Четырнадцать лет тому назад я выехал из отчей иранской шаха, но мой народ до сегодня томится в этих котлах. Все же мне есть кому передать привет столь искренний и горячий. В СССР я намет народ, возвращающийся на одном языке со мной, — народ таджикский, и кроме него множество других народов, поистине воспринявших советскую революцию. Надеюсь дожить до того дня, когда передачу вам придет иранско-моя народ, такому же свободному и счастливному, как иные народы Советского Союза.
Ваш ЛАХУТИ
г. Есентуки, июнь, 1936 г.

ПУШКИН ПОД НАДЗОРОМ ТБИЛИССКОЙ ПОЛИЦИИ

27 мая 1929 г. вечером А. С. Пушкин приехал в Тбилиси и остановился в трактире, принадлежавшем некогда французам. Этот трактир был тогда единственным в городе и находился на нынешней Пушкинской улице.

Одной из серьезных причин поездки поэта на Кавказ было его стремление избавиться от установленного за ним строгого полицейского надзора.

Найденные недавно в архиве Главного управления кавказского местоположения 1827—1831 гг. документы показывают, что и в Тбилиси, и в Эрзеруме тайные «попечения» царской полиции о Пушкине лишь усилились.

Еще 12 мая, когда Пушкин, ехавший на перекладных, находился недалеко от Георгиевска, высшее должностное лицо на Кавказе — главнокомандующий армией генерал Паскевич отдал тбилисскому военному губернатору генералу Стрекалову секретное приказание:

«Известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте из С.-Петербурга в Тифлис, а как по Высочайшему Е. И. В. повелению состоит он под секретным надзором, то прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию».

Этим, однако, дело не ограничилось.

Кроме Стрекалова, наблюдая за Пушкиным должен был тбилисский гражданский губернатор, получивший 14 мая предписание «по прибытии Пушкина обратить на поведение его строгое внимание и доносить секретно об образе его жизни».

Пушкин, прибывший в Тбилиси около двух недель, несомненно знал о слежке за ним и был настроен. Он не рисковал отправлять в родные письма по почте и пересылал их с оказией через приятеля, ехавших в Петербург.

За помощью к отцу пошел в гости к бывшему главному секретарю, пригласивший Пушкина к себе обед, но уткнулся случая «лично обратиться на образ его жизни надлежащее внимание».

Шеф жандармов генерал Бенкендорф, которому после востания декабристов было поручено наблюдать за поэтом, был сильно обеспокоен отходом Пушкина в Эрзерум.

В архиве сохранилось донесение генерала Стрекалова. На запрос шефа жандармов Бенкендорфа «по чьему позволению известный стихотворец Александр Пушкин предпринял путешествие из Тифлиса в Эрзерум?» Стрекалов сообщает, что разрешение Пушкину на поездку в Эрзерум — на фронт военных действий — дано главнокомандующим Паскевичем и что за почетом установлен секретный надзор.

Переписку о поднадзоре Пушкине этим не исчерпывается. Обратившись в августе из Эрзерума в Тбилиси, Пушкин через несколько дней выехал через Владикавказ в Москву.

Перед его отъездом Стрекалов считал нужным специально уведомить об этом московского военного губернатора.

Спустя полгода после отъезда поэта тбилисская городская полиция получила — уже по совершенно другому поводу — запоздалое предписание из Петербурга «объявить чиновнику Пушкину, если он окажется в городе, укаа, в противном случае довести, не был ли Пушкин в Тифлисе и куда выехал».

Тбилисская полиция после долгих розысков, только 4 декабря 1930 года доложила, что «чиновник Александр Пушкин за учинением развасания в Тифлисе на жительстве и временном пребывании не оказался, как равно неизвестно и куда выехал».

★
Грузинский филиал Всесоюзной академии наук выпускает к Пушкинским торжествам на грузинском и русском языках интересный историко-литературный сборник «Пушкин в Грузии». Статьи, архивные материалы, письма родных и сослуживцев Пушкина значительно пополняют все то, что было до сих пор известно о проживании великого поэта в Тбилиси.
ЕВГЕНЬЕВ

Величие человека, его богатство и сила раскрываются в труде. Труд есть величественное, яркое и прекрасное проявление человека, а нехватка выход лучшие человеческие силы.

Приведенные отрывки из «Челкаша» и «Моих университетов», столь резко противопоставленные друг другу, ярко показывают те **два лица труда**, которые предстают перед нами на всем протяжении горьковского творчества. Общественное положение труда в капиталистическом обществе выражено в проигнорированном отрывке из «Челкаша». Но влюбленность трудового человека в труд, его годод к труду, страсть к труду, с такой несравненной мощью изображенные в «Моих университетах», — и есть та сила, которая возмущается тем, что востие труда превращено в самую тяжкую муку, в самое проклятое страдание.

Почти каждая сцена трудового героического порыва, восторга, ярости, пришедшей выне, кончается у Горького пылком, бессмысленным озорством, в котором люди топят свою жосточайшую, не вполне понятную им обиду на то, что могучее напряжение всех лучших человеческих сил, которое бывает в труде, в сущности бессмысленно, бесплодно, не создает для самих трудящихся никакого радости. Прогнорированная сцена из «Моих университетов» кончается тем, что после работы «перешли на пароход и там все уюула, как пьяные, а приехав в Казань, вывалились на песок берега потоком серой грязи и пошли в трактир пить три ведра водки. Там ко мне подошел вор Башкин, осмотрел меня и спросил:

— Чего с тобой делали?
Я с восторгом рассказываю ему о работе, он выслушал меня и, вздохнув, оказал презрительно:

— Дурак. И — хуже того — иди-ет.

Посвящая, видя телом, как ребята, он ушлыл следы тесно составленных столов, — за ними шумно пиоровали гурьчаны, в углу кто-то, теором запевал поблаузу песню. Хохот, свист и гремат слова, который отчаянному ипизиму, вероятно, вет ралых на земле.

Странно читать в людях, только что показавших могучую силу, «ко-

(Продолжение см. стр. 3).

А З Б У К А

О смелом и нужном решении Кабарды и Черкесии

Н. ИЗГОВЕВ

Большинство советских народов впервые получили свою письменность лишь после Великой Пролетарской революции. Получив равную в семье народов Союзу, они обрели политическую базу расчета национальной культуры, обрели алфавит, они обрели и национальную прессу и национальную литературу, ставшие материально-технической базой полнокровного развития родного языка, его лексического насыщения, его обогащения.

Создав письменность для большинства народов советской земли, Великая социалистическая революция приостановила распад и деградацию языков, их вымирание. Она открыла эпоху возрождения национальных языков.

Она приобщила народы к ценностям мировой культуры. В вышедших аухах и книжках Киринии книги Ленина и Сталина, произведения Пушкина, Горького, Маяковского появились на родном языке. Только теперь, отрешившись друг от друга горными перевалами, балкарами и карагачами могут знакомиться с литературой других тюрко-татарских народов. И точно так же, например, получили возможность литературного общения кровные соросичи — черкесы, кабардинцы, шапсуги, абхазы.

Однако на пути этого полнокровного роста языков и общения народов стали факторы, которые исторически складывались в результате сложности и запутанности новых алфавитов некоторых из народов СССР.

Составители новых алфавитов делали нужное дело. Народ не имел письменности. Ученая знать пользовалась арабским алфавитом, арабским языком. Письменность мусульман была чужда народу не меньше, чем, например, церковно-славянская письменность народу русскому или язык католической церкви чехам времен Яна Гуса. Создание нового алфавита было выражением борьбы народа с панисламизмом, с националистической пропагандой. Оно было огромным, самым революционным шагом вперед в борьбе за национальную самодетерминацию народа в советской семье. Но с течением времени кабардинский и черкесский алфавиты и черкесский стали опускаться существующие недочеты новой своей письменности.

Дело в том, что охотники до лингвистических тонкостей, совершая нужное дело, — сочиняя новые алфавиты для народов Кабарды, — не забыли вывертов и изобретений, например, для кабардинцев языку из 46 оригинальных и трех двойных знаков (букв).

Но сложность этого алфавита заключается не только в его многозначности, но и в смешанном характере т. наз. «латинизированного» алфавита. Из 46 знаков «латинизированного» кабардинского алфавита только 18 собственно-латинских с тем же значением, что и в латинском алфавите, русских — 4, латинских обозначения звуков — в том значении, в каком они применяются в латинском алфавите — 5, немецких — 1, вновь созданных, не связанных с латинским алфавитом, — 18... Не ясно ли, что в латинизированном алфавите отсутствует собственно латинский алфавит. Здесь преобладают знаки ничего общего с латинскими не имеющие, здесь нет метода, здесь неясности.

Люди, изучающие подобный алфавит в школе, вынуждены тратить немало времени, чтобы одолеть эту сложную премудрость. Их мучения

СОЧИНЕНИЯ А. Н. РАДИЩЕВА

Собрание сочинений А. Н. Радищева в трех томах, под общей редакцией И. К. Лунина, выпускает издательство Всесоюзной Академии наук. Издание охватывает все известные в печати произведения писателя, ряд неопубликованных его вещей, а также работы, приписываемые Радищеву. Первым том, объемом в 40 печатных листов, выходит в печать. В нем печатаются: «Дневник одной недели», «Письмо к другу, учительствующему

«Маститые» или молодые?

А. ЛЕЙТЕС

Читатель обеспокоен тем изрядным количеством брака, который все еще встречается на страницах наших тольстых журналов.

Даже лучшие из тольстых журналов работают с авариями. То гвоздем номера заслуженно становятся такие вещи, как «Страна Муравия» Твардовского, как «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева. То гвоздем номера оказывается такая клеветническая пошлость, как «Искатели славы» Орлова. Слезая же номера в номер за «Красное новье», читатель испытывает своего рода «качку».

Между тем читатель, взяв в руки журнал «Спарку» которого он привык уважать, хочет быть гарантированным от недоброкачественной продукции.

Готовясь к новому полному году, у нас охотно рассуждают об основном пороке литературных ежемесячных. Было бы своевременнее начать кампанию за безаварийную работу редакций, за определенную норму художественной доброкачественности, ниже которой ничего не должно быть пропущено в журнал.

В работе художника возможен известный процент литературного брака. Но на то и существует редакция, чтобы на правах приемочных комиссий этот брак отсеивать. Каждое допустительное здесь должно квалифицироваться как «обешивание» и «обмеривание» массового потребителя литературной продукции.

Чем же обусловлено такое попустительство? Во-первых, отсутствием «сера» и «весова», т. е. твердого редакторского литературного вкуса. Во-вторых, тем, что данной выверенности зачастую служит писательская репутация.

Когда в журнал поступает рукопись обладателя почтенного литературного имени, редактор нередко сразу подписывает ее в печать, ограничивая свою роль политической оценкой рукописи. В то время как писатель с малым именем даже малые дефекты стиля закрывают дорогу в журнал, художнику с так называемым именем прощаются и большие недостатки.

Чем же иначе объяснить, что «Новый мир» предложил читателю такое «произведение», как «Мясоед» Пильняка и Белкина? Что в «Знамени» опубликована «Книга для взрослых» Эренбург (каждому известно, что Эренбург — человек талантливый, но не талантливый)? Что в седьмом номере «Красной нови», наряду с прекрасным началом 4-й части фельетонского «Последнего из Улегов», опубликован рассказик Габриловича «Свидание», который кажется пародией автора на самого себя?

Это вовсе не значит, что редакции тольстых журналов отдают все свое предпочтение писателям с большим именем и не ориентируются на молодых авторов. Напротив. Редакции очень охотно выдвигают новые имена и работают с начинающими. Но и эта работа очень часто бывает скандалом ложным писателем перед писателями имени и полемикой литературного вкуса вкусов к... литературному. Вспоминаем, например, когда редакторы журналов, гостеприимно раскрыв двери литературным новичкам, попадались на удочку... издателей славы (в кавычках и без кавычек). Есть откровенные ядом литературщины и умело спекулирующие на любви редактора к так называемой «большой» литературе. Они ухитряются навальнуть лоск художественности и глубокомыслия на свои ремесленные изделия. Выставив на витрину многозначительные эпиграфы, кокетливые фразы и оригинальные метафоры, имитируя «большие искусства», спешат привлечь к себе внимание доверчивого редактора.

В то время, как настоящий поэт смущенно и изумленно всматривается в новую жизнь и мечтает о втором рождении, некоторые существующие писатели, в то время, как серьезный писатель пишет шест тысяч слов, в которых «дышит почва и судьба», за ним тянется длинный хвост стилизаторов, рецензентов, редакторов, которые все еще пытаются на страницах наших тольстых журналов.

большое писателя, пытаются не самыми простыми, а самыми сложными способами прощупать в большую литературу. Лучшие печатаются мало и редко. Но «спастерничать» еще разная по стихотворным отделам наших журналов. Бабель медленно, но решительно отходит от своей красноречивости. Вспомним его «Нефть» или трагическую тему его рассказа «Гонимый». Но в журналах все еще появляются новеллисты из молодых да ранние, не к месту предвещающие пышную метафоричность автора «Конарми». И у Олеси уже расплодилось литературных подделок!

Представим себе редактора, решившего печатать в своем журнале только таких писателей, как Бабель, Олеса, Сефурлина, Пастернак, Солженицын. Ему пришлось бы прервать ежедневный в альманах, выходящий раз в три года, настолько редко и мало пишет эти писатели. И вот редактор пропускает на страницах своего журнала отраженные тени тех же Олеси, Пастернака, Бабеля. Значит ли это, что редактор поощряет молодые литературные кадры? Нет. Это значит, что редактор поощряет имитаторские наклонности некоторых представителей литературной молодежи.

Попровительствуя искателям славы, за витриной у которых холодно и пусто, редактор тем самым препятствует выдвиганию произведений искусства, может быть, еще неуловимых (потому что автор молод и неопытен), но которые имеют быт ключом из подпочвенных глубин нашей эпохи.

Вспомним, сколько митарств по различным редакциям испытывал роман Вирта «Одиночество», прежде чем нашел в «Знамени» внимательное к себе отношение, прежде чем «Знамя», порабощенное вместе с автором, помогло ему выпустить хорошее и высоко оцененное массовым читателем произведение.

Во всех редакциях тольстых журналов работают с мелкими авторами. Но, во всяком случае, журналы чувствуют себя обязанными к молодым авторам работать и выдвигать того, в ком сумеет обнаружить талант.

Не работают ли они с так называемыми писателями с именем? Попробуйте сказать, что некоторые редакторы показывают странную слабость к «маститым»? Не достаточно ли их печатает? Увы, большинство редакций впадает сюда залуцко только в том, чтобы служить перелачной инстанцией между именитым писателем и типографией.

А это значит, что к «маститому» гораздо хуже относятся, чем к молодому. Во всяком случае, гораздо равнодушие. Потому что молодой редактор проверяет свое произведение на живых читателях, на редакторской недоброжелательности. «Маститые» же, имея дело с неизменно доверчивым редактором, впоследствии, в случае неудачи, особенно болезненно ощущают резкие критические отзывы.

Нало сказать совершенно определенно, что нет ничего вреднее для продуктивной работы редакций, чем это молча подразумевается подразделение художников слова на маститых, средних и молодых. Для редакций не могут существовать ни маститые, ни средние писатели. Могут быть авторы более талантливые или менее талантливые произведений. И если художник Советской страны ощущает в себе хоть немного таланта, он тем самым не может не ощущать себя молодым. Он с презрением откажется от «маститости». Ибо каждая вновь написанная книга приносит ему свежее ощущение молодости, чувства «второго рождения».

Хорошо и убедительно говорит об этом Алексей Максимович Горький в «Воспоминаниях» писателя: «Все мы здесь, начиная от резкого различия возрастов, дети одной и той же очень молодой матери — всеобщей советской литературы».

Почему Всеволод Иванов так часто и так любовно вспоминает о своем

«У нас и у них» — плакат художников Буева и Нордландского, посвященный Сталинской Конституции. Вышел в Изюмле. Демьяном Бедным написан к плакату стихотворный текст, который мы ниже приводим.

У нас и у них

Демьян БЕДНЫЙ

Путь нашей родины — он ясен и героически велик. Неузнаваемо прекрасен Ее преображенный лик. Все захватил — и центр, и дали — Могучий творческий циклон. Нам радость жизни создал Сталин И воплотил ее в ЗАКОН. В словах закона отраженный, Сверкает радостной главой. И день рабоче-напряженный И отдых после трудовой, — Фашистский путь змеюще-мрачен. Фашистский воздух лловит. У всех, кто свастикой означен, Лик человеческий утрачен И обретен звериный вид. Фашизм живет лихой отградой: Его порядок — в кутерьме, Труд — за колодезь отградой, И «опыды» — в каторжной тюрьме. В кострах — культурное наследство, Удел для юности — дуреть, У старости одно лишь средство Уйти от горя: умереть. Но крепнет красный фронт буртарский, Фашистский кончится кошмар: Его развеет пролетарский Весококрушающий удар!

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ ШОТА РУСТАВЕЛИ

Во всех районах, селах и колхозах Грузии деятельно готовятся к празднованию 750-летия величайшего грузинского поэта Шота Руставели. Районные юбилейные комитеты созданы в Лагодехе, Махарадзе, Джугуа, Телаве, юбилейные комиссии — в селах Гоми, Вагдали, Мтно-Пирн, Цхемли-Хили и др. Члены комиссии проводят с колхозниками беседы и критикам и редакционному аппарату раздают новые, неожиданные возможности в творчестве этих писателей. Я напомню известный пример из истории литературы, когда третьеразрядный автор возмелел Жюль Верн, благодаря вниманию издателя Гетцеля, стал ярким и первоэриардным автором научно-фантастических романов. Сколько таких неожиданных возможностей обнаружилось, если бы редакция журналов внимательно и добросовестно работала с так называемыми писателями. «За летчиков, малых и больших, — неизвестно, кто малый, кто большой, — это будет доказано на деле». Этот прекрасный тог, провозглашенный 18 августа этого года товарищем Сталиным на приеме героев Советского Союза Чкалова, Белякова и Байдюкова, должны внимательно продумать редакция тольстых журналов, просмотревшая длинные алфавитные списки своих авторов. Известно, что из писателей оказались малым, неизвестно, кто, оказались большими. Это будет доказано на деле. Бюджет тольстых журналов надо проверить и переинтерпретировать в ближайшие годы многие писательские репутации. Только тогда из сминных пунктов редакции переправятся в мобилизационные пункты всего ярого и талантливого, что растет в советской художественной литературе.

Труд и человек в творчестве М. Горького

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. 2 СТР.

тотом богата человеческая земля, силу, способную взорвать все земные в одну ночь преграды, в одну минуту — странно читать об этих людях, что они «вывалились на песок потоком серой грязи». Многомиллионная вечественная армия строителей сказочных дворцов — и многомиллионный человеческий поток серой грязи, — эти два облика гордущего человечества отрицают друг друга, и они переплетены друг с другом в творчестве Горького.

Опустошающая человека, изуродующая бесплодность труда в капиталистическом обществе раскрыта Горьким в длинном ряде произведений. Центральную роль играет эта тема в «Фоме Гордееве». Образ Фомы, как уже сказано, близок образу Ильи Лулева («Трое»). Это тоже сильный, неуврадаемый человек, со стихийным стремлением к правде, с мучительными поисками ее. В обоих образах Горький рисует «натуральный» человека, но испорченного, по ряду индустриальных условий, капитализмом и вместе с тем стоящего в стороне от главной магии, по которой движется жизнь. Оба социальное-индивидуальное общество раскрыты Горьким в длинном ряде произведений. Центральную роль играет эта тема в «Фоме Гордееве». Образ Фомы, как уже сказано, близок образу Ильи Лулева («Трое»). Это тоже сильный, неуврадаемый человек, со стихийным стремлением к правде, с мучительными поисками ее. В обоих образах Горький рисует «натуральный» человека, но испорченного, по ряду индустриальных условий, капитализмом и вместе с тем стоящего в стороне от главной магии, по которой движется жизнь.

Опустошающая человека, изуродующая бесплодность труда в капиталистическом обществе раскрыта Горьким в длинном ряде произведений. Центральную роль играет эта тема в «Фоме Гордееве». Образ Фомы, как уже сказано, близок образу Ильи Лулева («Трое»). Это тоже сильный, неуврадаемый человек, со стихийным стремлением к правде, с мучительными поисками ее. В обоих образах Горький рисует «натуральный» человека, но испорченного, по ряду индустриальных условий, капитализмом и вместе с тем стоящего в стороне от главной магии, по которой движется жизнь. Оба социальное-индивидуальное общество раскрыты Горьким в длинном ряде произведений. Центральную роль играет эта тема в «Фоме Гордееве». Образ Фомы, как уже сказано, близок образу Ильи Лулева («Трое»). Это тоже сильный, неуврадаемый человек, со стихийным стремлением к правде, с мучительными поисками ее. В обоих образах Горький рисует «натуральный» человека, но испорченного, по ряду индустриальных условий, капитализмом и вместе с тем стоящего в стороне от главной магии, по которой движется жизнь.

В этом смысле образ Фомы приближается к общему образу всего горьковского творчества — к образу большого и сильного человека, простоты, а и бунтара, которому тесно в рамках современности и который «хочет свободной жизни». Фоме — бунтарю, он порывает со своим классом. Самая возможность появления людей вроде Фомы — симптом глубокого неблагополучия внутри буржуазии. Проблема, поставленная Горьким в «Фоме Гордееве», исключительно глубока и важна. В отличие от Ильи Лулева, для Фомы Гордеева вопрос о труде стоит в центре всех его поисков правды. Это связано с самым поло-

реши, которую он провозгласил перед купцами, давая этой ревью Макингу повод упрятать его в сумасшедший дом. Так «спастерничать» этот человек, как неразборчивый шарик, так закончилась история бунта человека, который хотел «только» одного: иметь право быть простым, здоровым человеком.

Из всех стремлений Фомы Горький прежде всего подчеркивает именно стремление к осмысленному труду. Особенно тяжело чувствует Фоме, что он лишен радости труда. Одним из важнейших моментов во всем романе является сцена, очень близкая приведенному отрывку на «Моих университетов». Здесь тоже изображен героический трудовой подвиг, который уступает место обидной, оскорбительной простоте. Поднимаю со дня принадлежало Фоме Гордееву затонувшие баржи.

«Фомой омыдало странное волнение: ему страшно захотелось вальтироваться в этот возбужденный рев рабочих, широкий и могучий, как река, в раздвигавший скрин, визг, жужжание и буйный плач волн. У него от сил, желания выступил пот на лице, и вдруг оторвавшись от мыслей, он большими прыжками бросился к вороту, бледный от возбуждения. Голова у него кружилась, глаза налились кровью, он ничего не видел и лишь чувствовал, что вот, сейчас, он опрочнется силой своей что-то огромное, заступающее ему путь, — опрокинет, победит и тогда вздохнет легко и свободно, полный гордой радости. Первый раз в жизни он испытал такое одухотворяющее чувство и всей силой голодной души своей лопал его, пытаясь от него и низвергнуть радость в грозных ликующих криках в лад с рабочими».

Горький и здесь изображает то чувство, которое может называть просто трудом. Он замечательно рассказывает о том, как в труде человек может познать себя самого, ощутить себя в миру, познать свою личность. Но вот, чем различается труд в капитализме от труда. Рабочие подражают друг другу, что это означает тысячу раз равно редкую из грядки выдерну-

говорию он, дымая бровями, — что бы и тысячу лет оцелят люди сказали, вот это бородоное мужика следа не да!

«Русый парень с удивлением взглянул на Фому и спросил: — Волгу, что ли, нам вымыть? — А потом фыркнул, почкал головой и заявил: — Не сможем мы этого, — поплаваем все!».

Фоме сконфузилась от его слов и посмотрел вокруг. Мужики улыбаются кокетливо, пренебрежительно. Эти улыбки кололи его, как иглы. Какого-то серьезного мужика, с большой силой борозды, до этой поры не открывавший рта, вдруг открыл его, подвинулся к Фоме и медленно выговорил: «А ежели нам и Волгу допустить, и это забудет, наше государство. Все забудет, только длинна. Тыных дел, чтобы высоко торчали — не нам делать...».

Копается тем, что Фоме «жертвует» на три верста и уезжает на берег дупот, выходящий, с мучительной обидой на то, что самое лучшее, испытанное им за всю жизнь, — хмельная ярость труда, подьем всех сил, чувство любви и уважения к себе, к тем, кто работает вместе с ним, ощущение беспредельной силы, — все это оказалось «ненастоящим», не имеющим равной себе, столь же величественной цены, достойной этого выразителя всех лучших сил.

«Здоровому человеку», как мы уже видели, нужно делать такую работу, чтобы и тысячу лет спустя — помнили о тех, кто ее делал... работу для всего человечества. Но такой работы нет. Противоречие между великим трудом, его высокой человеческой природой и его жалкой, ничтожной и непринципиальной сущностью труда и присвоенного им результатов «стесняемыми индивидуумами», как писал Маркс, является главным в том числе «разрывающих душ» противоречий капитализма, который образует в своем творчестве Горький. Ценность «Фомы Гордеева» состоит в том, что в этом, сранивании с самим собой, произведении Горький показал связь личности с трудом, поставил эту проблему, которую определил своеобразно его творчеством.

ная и гневная юга, которая звучит противными всю горьковского творчества. «Никому не нужен человек». «Человек дешев у нас в России» — с этим ощущением живут все горьковские герои. Еще Мармеладоз из «Преступления и наказания» выразил страшно, бесконечное одиночество человека в волчьем капиталистическом мире своим воплем о том, что человеку «некуда пойти». Дешевизна человека в капиталистическом обществе была уталена и отражена многими писателями до Горького. Но только у Горького мы видим непосредственную связь между дешевой ценой человека и дешевой труду. На совещании стальныхцев товарищ Сталин говорил:

«Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения туземцев, а на себя, на свое государство, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы. При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработал больше, получил больше и живи себе, как знаешь. Чувство любви и уважения к себе, к тем, кто работает вместе с ним, ощущение беспредельной силы, — все это оказалось «ненастоящим», не имеющим равной себе, столь же величественной цены, достойной этого выразителя всех лучших сил.

«Здоровому человеку», как мы уже видели, нужно делать такую работу, чтобы и тысячу лет спустя — помнили о тех, кто ее делал... работу для всего человечества. Но такой работы нет. Противоречие между великим трудом, его высокой человеческой природой и его жалкой, ничтожной и непринципиальной сущностью труда и присвоенного им результатов «стесняемыми индивидуумами», как писал Маркс, является главным в том числе «разрывающих душ» противоречий капитализма, который образует в своем творчестве Горький. Ценность «Фомы Гордеева» состоит в том, что в этом, сранивании с самим собой, произведении Горький показал связь личности с трудом, поставил эту проблему, которую определил своеобразно его творчеством.

«Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения туземцев, а на себя, на свое государство, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы. При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработал больше, получил больше и живи себе, как знаешь. Чувство любви и уважения к себе, к тем, кто работает вместе с ним, ощущение беспредельной силы, — все это оказалось «ненастоящим», не имеющим равной себе, столь же величественной цены, достойной этого выразителя всех лучших сил.

«Здоровому человеку», как мы уже видели, нужно делать такую работу, чтобы и тысячу лет спустя — помнили о тех, кто ее делал... работу для всего человечества. Но такой работы нет. Противоречие между великим трудом, его высокой человеческой природой и его жалкой, ничтожной и непринципиальной сущностью труда и присвоенного им результатов «стесняемыми индивидуумами», как писал Маркс, является главным в том числе «разрывающих душ» противоречий капитализма, который образует в своем творчестве Горький. Ценность «Фомы Гордеева» состоит в том, что в этом, сранивании с самим собой, произведении Горький показал связь личности с трудом, поставил эту проблему, которую определил своеобразно его творчеством.

Если труд не ценится, если скандалится и издается его высокая человеческая сущность, то не ценится и человек. С этим и связана скор-

ром человеку «некуда было бы пойти». При капитализме человек не ценится, потому что не ценится труд. Так человека никто не знает и знает не хочет. «Никому не нужен человек...».

Горький называл Сталина своим старшим товарищем, учителем и другом. Мы видим, что творчество Горького подчеркивает, обогащает, а эта характер отношения между вождем рабочего класса, самым великим гуманистом в истории человечества, Сталиным, и художником рабочего класса, великим гуманистом Горьким.

В том новом, что внес в богатство марксизма — Ленина товарищ Сталин, одно из великих мест занимает проблема социалистического гуманизма. Все учение Маркса — Энгельса, Ленина — Сталина, во всех своих частях, проникнуто гуманизмом. Диктаторы пролетариата и насилье над эксплуататорами представляют собой величайшее проявление социалистического гуманизма, той великой любви к трудящемуся человечеству, которая пронизывает все учение рабочего класса. Но социализм стал реальностью под руководством Сталина, под его руководством осуществляется на практике торжество социалистического гуманизма, и самая проблема была теоретически разработана Сталиным, в связи с богатейшей практикой ударничества, социализации, стихающего движения — сталинской культуры и радости «яростью труда».

В связи с предстоящим юбилеем районные газеты собирают народные сказания, стихи, поэмы, поговорки и пр. Лучшие образцы народного творчества будут подготовлены к печати Музеем Грузии и грузинским филологом Академии наук.

В этом смысле образ Фомы приближается к общему образу всего горьковского творчества — к образу большого и сильного человека, простоты, а и бунтара, которому тесно в рамках современности и который «хочет свободной жизни». Фоме — бунтарю, он порывает со своим классом. Самая возможность появления людей вроде Фомы — симптом глубокого неблагополучия внутри буржуазии. Проблема, поставленная Горьким в «Фоме Гордееве», исключительно глубока и важна. В отличие от Ильи Лулева, для Фомы Гордеева вопрос о труде стоит в центре всех его поисков правды. Это связано с самым поло-

ром человеку «некуда было бы пойти». При капитализме человек не ценится, потому что не ценится труд. Так человека никто не знает и знает не хочет. «Никому не нужен человек...».

Стихи ткача

Гослитиздатом (Москва) издан сборник стихов поэта-ткача (г. Иваново) Александра Николаевича Благова.

Свою поэтическую работу А. Н. Благов начал задолго до Великой социалистической революции.

Но основные мотивы дореволюционного творчества А. Н. Благова — это положение трудящегося человека в процессе капиталистического производства.

Домашние дети без призора... Но гуляет равнодушно моторы, и проклятое время вперед — все попрехнуло тихо идет.

Труд — проклятие, равнодушные машины, алой мастер, которому основа дороже изможденного от жары и усталости рабочего.

Героический период Великой Пролетарской революции — годы гражданской войны — открывает широкие горизонты для Александра Николаевича Благова.

Поэтический строй автора книги «Страна ткача» порежнему образом отличается в настоящем его виде от тех поэтических принципов, которыми руководствовало поэтическое направление, представлявшее группой «Кувшица».

Поэт Благов не порывал с производством, он не стал профессиональным поэтом, его стихи и песни — голос коренного кадрового рабочего.

Поэт выражает настроения и мотивы, рожденные нашей социалистической революцией. Но угол его зрения — новые условия жизни на фабрике — это радость труда освобожденного человека социалистической родины.

Теперь, обращаясь к своему лирическому голосу, поэт смотрит добро и радостно на мир. Страна социализма, родина освобожденного труда ведет его к счастью, возвращает молодость.

Заневай, — не все еще пропето: Не стареть, не глотнуть, не гнуть: Молодую родину советом Никакой страной не заменят.

Но самое главное, что дала Великая социалистическая революция — право на свободный, творческий труд. Труд она сделала радостным, превратила в дело чести, доблести и героизма.

Я за машинкой — на посту, и в сердце солнцем зреет радость, Когда кругом меня растут полотно белые громады.

Вот почему теперь опоясание на работу ткача переживает как позор («Несия ткача»), вот почему, прехватываясь болезнью к постели, поэт мечтает о том времени, когда он опять вместе с товарищами придет к станку («Печаль»), вот почему ткачу стал приятельным станок.

И мысль одна мне дорога И сердце бегает неустанной Мы каждый, каждый метром ткаши Бьем на смерть лютого врага...

Розину, когда к ее священной границам попытается полонить враг, поэт готов защищать вместе с молодежью.

Но когда ударит Грозный час, Командир-товарищ Дась пришла, От цветного ситца, От ма-шины, Выглядя на границы, Как один.

Стихи А. Н. Благова отражают типические черты трудящегося социалистической страны, мысли и чувства человека эпохи пятилетки Сталина — вот почему они находят широкий отклик в массах читателей нашей страны.

Стихи А. Н. Благова не всегда стоят на достаточно поэтическом уровне. В них, как правило, отмечается автор предельная т. Образная простота часто выглядит как упрощение, они лишены риторичности.

И все же, несмотря на эти недостатки, сборник стихов «Страна ткача» — интересное явление в нашей поэзии. Здесь непосредственное лирическое самовыражение. Толосом ткача Благова говорит многомиллионная армия строителей социализма. Тепло, искренность поэта покорила читателей. И в этом смысле можно говорить о его полной и неопровержимой победе, ибо здесь жесткой той полнотой простоты и искренности, которой многим нашим поэтам следует учиться.

А. Благов Страна ткача. Стихи. Москва. Гослитиздат. 1936 г. Редактор С. Обрадович.

Дело №...

Том за томом выходит в свет следственные материалы по делу о преступлении фашизма против германского народа и человечества.

Сегодня дадут свои показания свидетели обвинения Вольфганг Лангхофф-актер и Клаус Гинрих-писатель.

Книга Лангхоффа — «расказ о действительно «преступном» тов. Гинрихе тоже говорит, что «события, учредившие и людей, — описанные в его книге, — не плод авторской фантазии».

Место действия и в той и в другой книге — государственный прусский концентрационный лагерь «Бергерсбургское», или «Бергерсбург», вместе с прилегающими к нему лагерями Паленбургского комплекса, названного от голландской границы.

И все-таки факты, изображенные в них, стоят на грани фантастического. Никакие «суды пыток» не могут сравниться с тем, что дает документальная литература о нравах фашистских тюрем и концлагерей, а ведь вся Германия превращена в сплошную тюрьму, в сплошной концлагерь.

В фашистской Германии все обожжено, плугом вытоптано. Никто на слугу фашизма не отправляет предельной им задачи: убивать так, чтобы оставшимся в живых стало страшно жить.

В. Лангхофф. «Болотные солдаты». Перевод с немецкого Е. Казанской. М. Гослитиздат. стр. 264, 3 р. тир. 1000, ред. Мостовенко.

Клаус Гинрих. «В третьей империи». Перевод с рукописи Д. Уманского. М. Гослитиздат. 1936, стр. 278, 4 р. 25 к., тир. 1000. Ред. Мостовенко.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

В концентрированных лагерях Германии, по свидетельству Лангхоффа и Гинриха, так же не осталась «стрельная сила», как во всей Германии и во всем мире. Либо коммунизму, либо фашизму — в тюрьме это не теория, не лозунг, это — действительность каждого дня.

Северные сказки

Вышедший в Новосибирске сборник северных сказок, собранных и обработанных М. Ошаровым, несомненно представляет значительный интерес не только для фольклористов, но и для широких кругов читателей.

Читатель найдет здесь сказки эвенские, долганские, остяцкие, ненецкие и эрзянские, собранные в период с 1920 по 1931 год.

Замечательные по сюжету своеобразные сказки сборника раскрывают перед читателем жизнь и быт крайнего Севера с большой силой и яркостью.

Жестокие морозы, темная бесконечная ночь, пурга, «которая так дует, что чужие стоят, бескрайняя тундра, непроходимые леса, громадные летящие прострелы — вот типичный пейзаж сказок народов Севера.

В поисках пищи для себя и оленей люди колют по тундре. Эта «велькая ходьба» является одной из основных тем сказок, особенно детально разработанных северными сказочниками.

Отразились в сказках и промысла народов Севера: оленеводство, охота, рыбная ловля. Этим промыслам посвящает себе пропитание все героическое эпоса, легенды, животные.

Наряду с людьми в образах северных сказок фигурируют животные и птицы, играющие большую роль в жизни северного охотника: медведь, лисица, соболь, неси, тетерев, глухарь.

Следы различных эпох отложились в «Северных сказках», собранных Ошаровым. Здесь и сказки, носившие явные следы анимизма: сказки-мифы о происхождении людей, животных, солнца и луны.

Ряд сказок носит на себе следы тотемизма, что очень характерно для охотничьего эпоса, в частности, следы «культу медведя», как например сказка «Медведь ухот» и «Откуда появился первый медведь».

Отразились в сказках и классовые различия, характерные для дореволюционного Севера. «Сленица была богата. У нее были жена, дети, конюх, чум и много оленей. Она ни в чем не была нужна. Жила тепло и сыто. Совсем по-другому жил бедняк: «Жил плохо: холодно и голодно: кто его покормит, а кто только изуртает. Зато работать заставляли все».

Несмотря на все своеобразие сказочного эпоса северных народностей, многие сказки имеют общие с русскими и мировым фольклором мотивы и сюжеты, как например сказки «Как лисица жену обманула», «Чудесная повариха» и ряд других.

К сожалению, необычайно интересный материал северных сказок обработан Ошаровым далеко не удовлетворительно.

В сборнике нет вступительной статьи, нет научного комментария, ибо таковым нельзя назвать примечания, которыми снабжены совершенно случайно 16 из 102 сказок, имеющих в книге.

Только 57 сказок сборника типированы и имеют указания, где они записаны. Указания эти чрезвычайно кратки: «Расказы Летам». Читателю это ничего не говорит, ему хотелось бы знать, кто этот сказочник, каково его социальное и творческое лицо.

Сказки даны Ошаровым не в переводе, а в литературной обработке, т. е. мы имеем дело с пересказом фольклорного материала. Пересказ этот полон назидания «литературного» и несколько манерен.

Несколько интересных материалов обобщены и составлены в издательстве и более тщательной, внимательной работе, и более бережном отношении к публикуемому фольклорным памятникам.

«Северные сказки», Собранные и обработанные М. Ошаровым. Новосибирск, Крайгиз, 1936, 272 стр., тир. 10.000, 4 к. 5 р. 50 к.

Эвг. Лундберг.

Правора по рисунку художника Холенского из книги «Странствия молодого Вертера» Гете, выпускаемой издательством «Academia».

Рассказы о друзьях

«Рассказы о друзьях» М. Штительмана — первая книга писателя, издаваемая Московским издательством М. Штительмана — лирик; свои мысли и чувства, воспоминания и восприятие жизненных явлений он передает с непосредственностью и теплотой.

Провинциальной молодежи из трудовых семей, преодолевающей местные традиции и нашедшей в пролетах комсомола, борющейся на фронтах гражданской войны и строящей социализм — посвящена своя книга М. Штительмана.

Автор вспоминает боевое прошлое, когда молодые и старые, не задумываясь, шли на смерть во имя победы революции. Все мы помним стариков, честных тружеников, таких, как антекер Исак и Штительман, — бесстрашно пригважив у себя красных в дни петловорского погрома и погибших от тайпацких пыток.

И образ матери взял М. Штительман из жизни («Мама»). Но одна старая мать провозгладе сына вместе с красными, умоляя его остаться и созная в душе, что сын прав, что он должен уйти.

М. Штительман вспоминает трагическое и смешное, он умеет вызвать у читателя улыбку и грусть. Искренность несомненно характерна для рассказов М. Штительмана, и это лучше, чем в них есть. Рассказы согреты светом памятных и близких нашему читателю дней, и все же книга не отличается своеобразием, художественно неинтересна. Автор еще не сумел найти оригинальности сюжетов и своих красок для портретов друзей. Поэтому его лиризм

Штительман М. «Рассказы о друзьях». Ответ. редактор М. Голодзинский. М. «Советский писатель», 101 стр. 1 р. 40 коп. Тир. 5.200.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

М. Штительман.

С Л О В О Ч И Т А Т Е Л Я

«ОДИНОЧЕСТВО»

Н. ВИРТА

Многое поняла

В романе «Одиночество» нет лишнего действия, нет лишних слов. Фразы глубоко запечатлелись в памяти. Автор сумел правдиво показать дни далекого прошлого. Читая книгу, не отрываешь всю ночь.

Роман заставил вспомнить о многом. С особой ясностью поняла, как изменилась наша жизнь, как изменились мы сами.

Я подумала: правильно ли поступил автор, описывая таких людей, как Антонов, как П. Сторожев, — людей, враждебных нам до конца. И поняла, что он прав.

Н. Вирта сказал своей книгой: «Будь осторожен, будь бдитель, будь лицом врагам».

РАБОВА

Работница фабрики «Паржская Коммуна».

Глубоко остается в памяти

Роман «Одиночество» читается легко, эмоционально захватывает читателя. Автор в художественной форме показал кулацко-эсерское восстание в бывшей Тамбовской губернии.

Оликовая фигура П. И. Сторожова, символическая кулацкая, написана очень хорошо. Положительный образ — С. И. Сторожова — унаследован автору меньше. Он несколько схематичен и бледен.

Второстепенные и третьестепенные персонажи обрисованы яркими штрихами и легко запоминаются. Автор несколько злоупотребляет авантюрическими моментами в развитии действия.

Некоторые эпизоды не оправданы и логически неверны. Когда Сторожев попадает в волчий канкан и ему угрожает неминуемая смерть, счастливым случаем, спасающим ему жизнь, мало убедителен. Материал романа настолько внутренне богат и интересен, что в подобных приемах он не нуждается.

АНДРЕЕВ

Рабочий Рентеновского завода.

Обреченность врага

Тема романа чрезвычайно актуальна, особенно теперь, когда мы по-прежнему с полным и уничтожил отъявленных врагов партии и народа, таких негодяев и выродков, как Зиновьев, Каменев.

Автор показал нам впервые бесшестую кулака. Мы увидели обреченность врага, его одиночество.

Враг готов вредить и вредит революции любыми средствами.

Основные персонажи книги — Сторожев, Антонов, Леня, Листрат — остаются в памяти как живые. П. И. Сторожев особенно выделяется. Он — основной носитель идей социализма, совершающий одно преступление за другим в предчувствии своей гибели. Но он не сдастся, он борется до конца.

Язык романа полнокровен, колоритен, индивидуализирован у отдельных персонажей. Есть некоторые излишества в рубриках и вульгарных слов, неприятно поражающих читателя. Этот недостаток легко удалить.

КРЫЛОВ

Завод им. Аввакума.

Боевое оружие

Художественную литературу часто используют для партийно-массовой и воспитательной работы в Красной армии. Роман «Одиночество» — именно такая книга. Она доходит до классового читателя, нравится ему, вызывает определенные эмоции и отклик, которые не только в том, что Вирта хорошо показывает классового врага в образе П. Сторожова. Достоинство книги еще и в том, что она разоблачает полные ирреальные и тактику контрреволюционной эсерской партии.

Рассказывая об антиобществе, автор умело вскрывает классовую природу банализма. Книга написана настоящим живым, что, читая ее, незвольно вспоминаешь лично пережитое в годы гражданской войны.

Недостаточно глубоко вскрыты и показана роль Тухачевского. Надо πισственно следить за исторической правдой и дать более яркое изображение роли и значения Тухачевского в борьбе против Антонова.

«Одиночество» — душная и интересная книга.

ЗАЙЦЕВ

Пролетарский партизан.

Враг обречен на смерть

Эту книгу нельзя читать спокойно и равнодушно. С такой страстью, с таким напряжением мог написать только человек, жадно любящий жизнь.

Если на первых страницах еще поминишь, что это только книга, художественное произведение, в которой автор мастерски отразил действительность, то потом об этом забываешь. С этой книгой вместе живешь.

Сторожев навсегда вошел в память. Этот человек, может быть, сидел со своим рабом, и я его не видела. Его голос я, может быть, слышала вчера под окном и не подумала выйти.

Сторожев понятен. К нему нет жалости. Его страдания, его мысли, его цепкая хватка за жизнь понятны и неведны.

За такими, как Сторожев, слышать с огромным вниманием, и уход их в далекий мир провозглашает жестокую утешку.

Этот уход в пустыню. Сторожев обречен на смерть. Другого исхода для него нет.

Завтра, послезавтра и снова возьму эту книгу в руки, снова перечту от строчки до строчки, потому что она дала большой вклад в то, что называется жизненным опытом.

ЗЕЛЬМАНОВИЧ

Счетный работник.

На днях в Лондоне состоялся большой митинг-демонстрация солидарности с героическим испанским народом. На снимке: колонна ребят, направляющаяся на митинг.

Шервуд Андерсон

Шервуд Андерсону — одному из крупнейших американских художников слова — исполнилось шестидесять лет. Андерсон родился в сентябре 1876 г. в городке Кемден, штат Огайо, в состоятельной семье. Отца его быстро разорили, стал малолетом, атермом... и Андерсону пришлось вести долгую трудовую жизнь, пережить многие годы «обмана, постоянной лжи, смелых замыслов, получаемых и наносимых обид», прежде чем он стал писателем. Он работал в бухгалтерских конторах, на заводе, чернорабочим, солдатом участвовал в испано-американской войне 1898 г., долгое время был агентом коммерческой фирмы и, только когда ему исполнилось сорок лет, он вынул первую книгу. В 1916 году вышел его роман «Сын Уинни Макферсона».

Мысли и фантазии Андерсона старательно шлет «истину», «правду жизни». Для него «жизнь распадается на две половины: одна — реальность, другая — мечта, и он непрерывно стремится заполнить, уничтожить расстояние между ними. Свои искания в этот период он связывает с разрешением социальных проблем. Как в первом, так и в последующем своем романе «Маршрутные люди» (1917 г.) он касается вопросов рабочего движения. Но он сам не раз признавался себе, что его поиски неопределенны и бесплодны. В третьем романе Андерсона «Ветеран войны» (1920 г.) герой особенно глубоко чувствует свою никчемность, свое бессилие отозваться на жизнь счастья.

Взвешивая искания справедливости, писатель полетит на призрачные высоты. Но при всех колдовских обаяниях, улетевших в облаках, Андерсон не покидал земного человеческого бытия. Большая популярность пользуются его рассказы Шервуд Андерсона.

В 1919 г. вышел сборник «Уиннибург Огайо», затем «Торжество янтаря» (1921 г.) и третий — «Кони и люди» (1923 г.). Эти книги (все они имеются в русском переводе) создали крупное имя американского писателя. Герои этих книг — угнетенные, призрачные существа, мелкие буржуазии, писатели и учителя в школах (название рассказа). Они близки к писателю, он сам рассказывает об этой близости в недавно вышедшей у нас книге «История рассказчика» (1924 г.).

Через все творчество Ш. Андерсона проходит мистическое толкование взаимоотношений мужчины и женщины, писателя и учителя в школах («История рассказчика»). В романе «По ту сторону зелени», посвященном повзрослевшему сыну Андерсона, наиболее близко подходить к проблеме классовых различий. Андерсон показывает политическое размежевание в рядах мелкой буржуазии, лучшие элементы которой идут в лагерь рабочих. Однако и здесь Ш. Андерсон бродит в тумане подсознательных движений и настроений, определяющих поступки его героев не только в их представлениях, но и в понимании самого писателя.

«Когда есть какое-нибудь социальное движение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благоприятно», — сказал когда-то Писарен. Пространственный рассказчик американских авторов Ш. Андерсон отталкивает мечту от жизни. Новая его книга, которую ждет читатель, должна показать дальнейший путь писателя, друга Советского Союза, участника Амстердамского антивоенного конгресса.

ДЕНЬ ИСПАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Московский литературный институт проводит 28 сентября «День испанской молодежи». На вечер студенческих групп будут прочтены беседы об испанских событиях. 28-го состоится вечер, посвященный героической борьбе испанской молодежи и всего испанского народа против фашистских митингов. На вечер выступят — миссис Долорес Ибарури (Пассионари) и другие испанские товарищи. На вечер будет прочтано письмо в стихах, написанное группой студентов института испанской молодежи.

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ НАРОДНОГО ФРОНТА

Союз советских композиторов получил из Мадрида несколько испанских революционных песен. Одну из них — «Песнь народного фронта» (слова Галети, мелодия Мигеля Рамеса) — выпускает на днях Музгиз, в обработке Г. Смирновой. Перевод песни сделан В. Тургановым. Вылетит она 50-тысячным тиражом.

Московские художники героям Испании

30 сентября в негритяном выставочном зале «Воскоходникова» открывается вторая выставка летних работ московских художников. Восьмидесять человек вступили в фонд помощи детям и женщинам революционной Испании.

За рубежом

КНИГА О ГОЛСУОРСИ

Недавно вышедший в Лондоне обемный том В. Меррита «Жизнь и творчество Джона Голсуорси» содержит много интересного, преимущественно биографического материала. Исследователь характеризует так: «Исследования Голсуорси на языке и искусство Меррит, друг и поклонник Голсуорси, публикуют его переписку и тщательно сводит свои собственные рассуждения к умеренному комментарию».

Не всем читателям Голсуорси известно, что знаменитая «Сага о Форсайтах» построена на автобиографическом материале. В образе старого Джона Худсона изображал своего отца, в образе Тимоти, Николая, Стюарта, Эппл — своих друзей и т. д., наконец в эпизоде любовно-матримониальных отношений Сомеса Айрига и молодой Джона — некоторые черты собственной личной истории. В этой связи любопытно припомним Мерритом письмо Голсуорси к сестре, умолявшей его не печатать «Человек-соборостепи» — первую часть «Саги».

АМЕРИКАНСКИЙ КРИТИК О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Литературное приложение к «Нью-Йорк Геральду» поместило большую статью о книгах и читателях в Советском Союзе. Автор статьи, Морис Хиндус, посетивший СССР, детально интересовался изданиями художественной литературы. Достаточно искушенный в литературных делах, он был буквально поражен: «Через него здорово читают в Советском Союзе, не только о нас, но и о нас, но и о нас».

«Он осматривал один из больших московских книжных магазинов — пишет автор, — когда мне внимание привлекла женщина в одежде казачьего горца. Он перелистывал страницы нового перевода книги Френсиса Бакера «Новый Орган». Когда и спросил, любит ли он книги, он сказал, что не только любит, но читает их. Он оказался школьным учителем и приехал в Москву заучить книги для школьной библиотеки. Он купил «Новый Орган» и подлился на собрание сочинений Дарвина, которое вскоре вылетит в двадцать томов».

В последнее время в иностранной печати то и дело появляются персоналистические статьи о том, что в ка-

В ЗАЩИТУ ИСПАНСКОГО НАРОДА

Двадцать крупных американских писателей подписали заявление, выпущенное Лигой американских писателей, в котором разоблачают лживую информацию буржуазной печати об испанских событиях и протестуют против подобной информации.

«Мы заявляем, что американская буржуазная печать перелает советские события и дезориентирует читателя картину о военно-фашистском мятеже в Испании. Мы заявляем, что она все время поступает лживо по отношению к испанскому народу и избранному им правительству».

Заявление подписали: Малькольм Каули, Уолдо Франк, Майкл Голд, Натан Алл, Джозеф Фриман, Роберт Кентуэлл и другие.

КОМИТЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

В Нью-Йорке создан комитет профессиональных групп для поддержки кандидатов президентских выборов кандидату коммунистической партии США Эрл Браудера и Джамса Форда. Возглавляет комитет хорошо известный американский живописец-иллюстратор и писатель Роквелл Уэйт, активно выступающий против войны в Испании.

В комитет профессиональных групп входят крупные американские писатели и художники: Уолдо Франк, Лингстон Хьюз, Беннет Барк, Джек Конрад, Джозеф Хербст и др. С комитетом непосредственно связаны и принимают в его деятельности активное участие крупные представители американской интеллигенции: профессор Дан, Джозеф Фриман, Хьюго Геллерт, Лоренс Геллерт, Майкл Голд, Уильям Гроппер, Луи Лойола, Ребекка Питтс, Анна Ротенберг, Эдвин Сивер, Исидор Швейлер, Джон Стивак и многие другие.

ИНОСТРАННЫЕ КЛАССИКИ В НОВОМ ИЗДАНИИ

«ACADEMIA» ВЫПУСКАЕТ: ★ Пятый том собрания сочинений Дидро. В томе собраны пьесы Дидро и его критико-исследовательские работы по вопросам драматургии, в том числе знаменитый «Парадокс об актере». Вступительная статья к тому — «Вопросы драматургии в эстетике Дидро» — написана Д. Гачевым.

★ «Нермен» — Проспера Мерима. Текст повести помещен в книге на французском и русском языках. Книга иллюстрирована гравюрами на дереве В. Фаворского.

★ Рассказы Редьярда Киплинга. В книге помещены произведения, относящиеся к первому периоду творчества писателя. Некоторые рассказы являются на русском языке впервые.

«Лже-Нерон» Л. Фейхтвангера. Япон Фейхтвангер прислал ленинградской переводчице В. Вальдман первые две части своего нового романа «Лже-Нерон».

В Вальдман заканчивает в настоящее время перевод «Иудейской войны» Л. Фейхтвангера, который будет выпущен под перомом «Лже-Нерона».

Вступающие Нью-Йоркские художники проводят ночь в помещении бюро художественных проектов, которое они заняли, заявив, что не покинут его, пока не получат работу.

ЮБИЛЕЙ ЯЛМАРИ ВИРТАНЕН

Ленинградские писатели принимают деятельное участие в проведении предстоящего 30-летнего юбилея народного поэта Карелии Ялмара Виртанена.

На днях в Петрозаводске вернулась бригада Ленского писателей, выезжавшая в Карелию в связи с изданием сборника русских переводов Я. Виртанена Стиха переводили: В. Эрлик, В. Саянов, В. Роддентевский, Д. Ныколовский, М. Фролан, В. Лихарев, Я. Попов.

Областные сборники Я. Виртанен выйдут на двух языках — финском и русском. Они открываются новым стихотворением Я. Виртанен о Сталине. На русский язык стихотворение переведено поэтом Вольфом Эрликом.

К юбилейным дням выйдут также сборники «Памятка» об Ялмаре Виртанене. В нее вошла статья Алексея Максимовича Горького, биография поэта и материалы, характеризующие его 30-летний творческий путь.

Торжества, посвященные юбилею Я. Виртанен, будут проходить в Карелии в начале октября. Во все районы Карельской АССР выедут делегации и участники литературные страдания Ялмара Виртанена.

Готовятся юбилейные выпуски журналов «Ритма» («Знамя») и русского сборника «Карелия».

Ответ фашистским клеветникам

Выборская фашистская газета «Карьяла» (Финляндия) решила поднести своим читателям очередную «сенсацию». В одно прекрасное утро читатели этого листка узнали, что крупнейший поэт советской Карелии Ялмар Виртанен искаженно излагает в партии, арестован в давно расстрелян.

«Смею уверить господ фашистских врачей, пишет Т. Виртанен, что их тайное желание не сбывается. Я жив, и жизнь моя становится все полнее и радостнее. Я чувствую, что теперь начинаю делаться поэтом. Я — член карельского правительства, член Петрозаводского городского совета, член конституционной комиссии Автономной Карельской Советской Социалистической Республики. Я — член правления союза советских писателей СССР и председатель карельского союза карельских писателей. Я живу счастливо, потому что счастье создано на советской земле великим Сталиным, великой партией Ленина — Сталина, и я горжусь счастьем бороться в рядах этой партии за дело коммунизма».

Я. Виртанен пишет далее, что он отлично понимает гнусные цели фашистской заговорной агитации, но не только обмануть прекрасную советскую действительность, но и посеять недоверие к большевикам-финнам.

Своей ответ Виртанен заключает следующими словами: «Ничего не вылетит из вашей гнусной провокации... Бурно растет и процветает великая Советская страна... И я, которого вы, пролагные журналисты, объявили давно расстрелянным, живу счастливой жизнью, живу и работаю, радуюсь, что являюсь современником великой сталинской эпохи и активным участником строительства социализма на одной шестой части земного шара».

РАССЕЯННЫЕ ИЗДАТЕЛИ

В начале октября исполняется 30-летие поэтической деятельности крупнейшего поэта современной Белоруссии Якуба Коласа.

Каждое бы, что об этом юбилее должны хорошо знать в московские издательства.

На деле же ни Госиздат, ни «Academia», ни «Советский писатель» никак к нему не подготовились и не готовятся.

Нерасторопные издательские работники не удались выпустить ни популярного очерка о жизни и творчестве Якуба Коласа, ни сборника его стихов, которые, к слову сказать, и переводить не нужно, так как они давно переведены.

Под огнем Альказара

Жан ЛЮРСА

Альказар, казалось, был охвачен огнем. Это была иллюзия. Это казалось так потому, что батарея, которая предписано было разорвать четыре башни и верхние этажи Альказара, да засели фашистские стрелки, при каждом выстреле разрушали часть стены и поднимала огромные облака пыли и дыма. Республиканская артиллерия стреляла чрезвычайно метко. Находясь в нескольких метрах от места падения снарядов, мы были в такой же безопасности, как сейчас в кафе, где я пишу. В безопасности, конечно, постольку, поскольку это относилось к этим снарядам! Что же касается пуль и гранат, то тут дело обстояло иначе.

Стоит перебраться пятьдесят метров и, если повезет, попадаешь в сравнительно спокойную зону. Первая батарея в южном направлении сооружена на площади Соколов. Она заняла отрядом дружинников и пулеметчиков.

Здесь обе стороны находятся на таком близком расстоянии друг от друга, что нет уже никакой возможности ни скрыть позиции, откуда стреляют, ни притянуть бойцам. Можно переключаться и обмениваться жеманами. В домах на площади, в некоторых комнатах всю ночь горит огонь — борются наблюдатели. Чтобы осветить различные участки разрушенных домов, наши товарищи поставили в окрестях ряд прожекторов, защищенных от врага большими металлическими листами; прожектора освещены светом эвкалипта все проходы, каждый камень. Устанавливать эту сложную аппаратуру приходилось в метрах в двадцати от вражеских амбразур, — по этому можно судить о мужестве дружинников.

По узким, повисшим улицам мы пробираемся к большой баррикаде, расположенной в северном направлении. Наступила ночь, но от домов пышет жарким жаром, накопившимся за целый день. Некоторые дружинники обменялись до пояса. В бою дружинников автомобиль освещает только амбразура их башенки, откуда по временам раздаются сухие выстрелы. Автомобиль выстроился по бокам баррикады, лицом к стенам Альказара, в пятидесяти метрах от неприятельских ружей. Время от времени пули летят, попадая в автомобильный панцирь. Чтобы добраться до этих автомобилей, приходится идти луском

долью закрытых, полуразрушенных магазинов. Мне нужен свет. Перепрыгнув через разорванные матрацы, через швейную машину, валившуюся среди ящиков со снарядами, и в несколько прыжков добравшись до двери близлежащего автомобиля. Жестом указываю на орудие. Дружинник жестом же приглашает меня войти. И я принимаюсь записывать свои впечатления, сидя на полу, а столом мне служит сиденье машины. Стоя рядом со мной, чье не наступая на меня, дружинник ежесекундно обстреливает расположенные перед нами развалины Альказара.

На баррикаде встревожены. Впервые за двадцать дней со двора замка выпущены ракеты. Их зеленый облик падает на стены, на разрушенные веранды, на завалы, прикрывающие решетки балконов. Встревожены потому, что дружинники привыкли уже к повисшему в воздухе раскаты, и ракеты сбивают их с толку. Не сигнал ли это какой-нибудь фашистской батареи, укрывающейся в городе? Или это подает знак о слабе крепости?

Телефон. Прибывает отряд орденов артиллерии, устанавливает две орудия, и начинается обстрел. Он бурлит длится всю ночь.

Я — художник и вполне понимаю моих друзей, которых тревожит опасность, грозящая художественным ценностям, шедеврам искусства. Вот что я могу сказать им: «Художественным сокровищем Толедо, одного из самых прекрасных городов мира, Толедо — города Греко, не угрожает теперь никакая опасность. Олив из внешних покусных снарядов привел нас только что к дому Греко. На нем ни одной трещины. Музей открыт. На двери надпись: «Дом находится под охраной антифашистских дружин». Мы сфотографировали эту надпись. В Санто-Томе лучшая картина Греко — «Иоханн графа д'Орбаса» — также находится под охраной дружинников.

Что разрушено в Толедо? Альказар. Но так такое Альказар? Ницего особенного эта крепость не представляет, а кроме того — это реставрация. За всем остальным оружием вывозят народный фронт, а это остальное именно и есть самое значительное и важное».

Нам пришлось осмотреть город. Испанцы, сопровождавшие нас, решительно настаивали на этом. Как-тогда, я и пошла бы сражаться вместе с мужиками.

Мужчины формируют вооруженные колонны, присоединяются к валленсийской и мадридской милиции. Старика преувеличивают свои силы, а юноши прибавляют их себе — те и другие не боясь не быть приплатимыми в рядах народной милиции.

В Эстрамурахе борьба с фашистами отдала для крестьян священной войной. И особенно в рядах бойцов пополнились все новыми пришельцами из деревни; попутромые крестьяне хорошо знают, за что и против кого они борются.

И когда пришедший к нам журналист обратится к ним с несколькими словами, они в ответ на его приветствие стройно и торжественно пропеют «Интернационал».

Наконец я вспоминаю последние выборы. С какой радостью встречали мы сообщения радио о победе кандидатов народного фронта. Французский народ сказал свое слово: с фашизмом ему не по пути. Началая на народный фронт в Испании, международный фронт вновь начал борьбу против народного фронта во Франции.

Финанс итальянский и немецкий приносят войну, где происходит битва против человека, против трудящихся, против мысли. Мы, революционные писатели Запады, всегда там, где человек защищает свое достоинство.

В течение месяца, который я провела в Советской стране, и понял, что вы построили Республику равенства и труда, которая дает всем право жить и участвовать в радостном творчестве. Если наши судьи начнут еще в этом, наша уже определена, и единственно, что нам нужно, это идти вперед по большой дороге строительства социализма и расцвет культуры.

И полностью убежден, что Франция и страна во Испании победит фашизм, что мы тоже создадим Республику труда и мысли. И день придет, когда через Германию, возвращенную ей народом, Французская республика протянет руку Советскому Союзу, день придет, когда над всем Западом будет развеваться красное знамя социализма.

День придет!

РЕЧЬ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ АНДРЕ ЖАНСОНА НА ВСТРЕЧЕ С СОВЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ И НАУЧНЫМИ РАБОТНИКАМИ В ДОП 16 СЕНТЯБРЯ 1936 ГОДА.

— Товарищи! Несмотря на ваш братский и любовный прием, я чувствую, выходя здесь, нечто вроде суровости, уменьшающей радость, которую испытываю я при встрече с вами. И это потому, что в течение всего вечера я не мог не думать о наших испанских товарищах, борющихся против фашизма, и о французских товарищах, стоящих уже лицом к лицу с трудностями и опасностями.

„Большой день“

НА ОБСУЖДЕНИИ НОВОЙ ПЬЕСЫ В. КИРШОНА

Обсуждением новой пьесы В. Киршона на открытии заседания...

Главная удача пьесы, по мнению тт. Ставского, Лахути, Тагирова...

К обсуждению были привлечены не только писатели и критики...

Необозначенными считает т. Киршон и упреки в том, что последние картины слишком растянута...

С этой точки зрения в пьесе все, по моему мнению, обстоит благополучно...

Политотдел высказывания по поводу новой пьесы Киршона, т. В. Ставский констатирует...

Легко заметить, что созданию пьесы предшествовала серьезная и напряженная работа автора...

И. Кирилленко, оставившись на титле советского писателя и его морально-этических качествах...

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПИСЬМО ИЗ ХАРЬКОВА

Писатели Харькова за летний период времени побывали в самых отдаленных районах нашей страны...

И. Кирилленко, оставившись на титле советского писателя и его морально-этических качествах...

Итогом 1935—36 гг. и перспективам 1936—37 гг. был посвящен состоявшийся в Харькове пленум областного управления союза советских писателей...

Писательская организация Харькова крепка и здорова. Но в последнее время она допустила некоторые ошибки...

КИНОТРИЛОГИЯ О ГОРЬКОМ

Московская студия Совдетфильм приступила к созданию большой кинотрилогии для широкого зрителя об Алексее Максимовиче Горьком...

В это время первую часть сценария, в основу которого положено «Детство» Горького и биографические материалы о нем...

МАЯКОВСКИЙ НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Госиздат Грузии выпускает на грузинском языке двухтомник избранных произведений Маяковского...

КНИГА О Л. Н. ТОЛСТОМ

В издательстве «Советский писатель» выходит труд Н. Гуляева «Как работал Толстой»...

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬТОН НАРЬЕРА М. БРОДСКОГО

Вам нужна статья по экономическим вопросам? Раз прочитать. Пожалеете Очерк о развитии иранской поэзии на современную анатолию и филологи?

наде в Ташкенте, Ашхабаде, Сталинграде, Алма-Ате и других городах с лекциями и статьями...

В беспокое: М. Бродский вас удивит. М. Бродский, как человек Дымба, он может говорить такое...

О Бродский умеет витать на себе доверие и почтение, организовать себе торжественные встречи и триумфальные приемы...

Плакат художника Б. Кноблока, в выпускаемый Изогизом к столетию юбилею А. С. Пушкина.

ИЗОГИЗ К ПУШКИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ

Изогиз выпускает большую серию пушкинских изданий.

В эту серию, — сказал нашему сотруднику директор издательства т. Б. Ф. Малкин, — войдут: альбом репродукций «Пушкин в искусстве»...

держки из произведений поэта, краткая библиография его сочинений...

Активнейшего друга приобрел народный фронт в лице талантливого критика Рене Лалу, милого которому «История современной французской литературы» Фрильмана...

«СПУТНИКИ ПУШКИНА»

Издательство «Советский писатель» выпускает новую работу В. Вересаева «Спутники Пушкина»...

Пушкин не остался в долгу и отплатил Карпову едкой эпиграммой. В эти же глаза Вересаев дает портреты лицеских товарищей Пушкина...

В книге наиболее подробно описаны петербургские годы жизни Пушкина. Показано отношение к деятельности поэта Александра И. Николаевича Пушкина...

Отношение дома Романовых к Пушкину характеризует следующий отрывок. Через полгода после гибели Пушкина великий князь Михаил Павлович встретился в Балне Дантеса...

Пушкин, как известно, не пользовался любовью своих современников. Зато «дворовые люди» привязывались к нему на всю жизнь.

«Спутники Пушкина» — большой труд, объемом до пятидесяти печатных листов. Книга выходит под общей редакцией К. Зеллинского и В. Гроссмана.

Однужды преподаватель Я. И. Карпов вызвал Пушкина и дал ему алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал какие-то формулы.

«Спутники Пушкина» — большой труд, объемом до пятидесяти печатных листов. Книга выходит под общей редакцией К. Зеллинского и В. Гроссмана.

В главах, описывающих лицеские годы Пушкина, Вересаев воспроизводит колоритные образы преподавателя лица.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Однажды преподаватель Я. И. Карпов вызвал Пушкина и дал ему алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал какие-то формулы.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Книжка вышла в январе в Москве, а в марте киностудия, осуществляющая постановку картины, выедет в Одессу для натурных съемок.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Книжка вышла в январе в Москве, а в марте киностудия, осуществляющая постановку картины, выедет в Одессу для натурных съемок.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Книжка вышла в январе в Москве, а в марте киностудия, осуществляющая постановку картины, выедет в Одессу для натурных съемок.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Книжка вышла в январе в Москве, а в марте киностудия, осуществляющая постановку картины, выедет в Одессу для натурных съемок.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Книжка вышла в январе в Москве, а в марте киностудия, осуществляющая постановку картины, выедет в Одессу для натурных съемок.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Французские писатели и народный фронт

20 сентября в ИКП литературы состоялась встреча профессуры и слушателей института с приехавшим в Москву видным французским критиком Жоржем Фрильманом...

Отвечая на вопросы тт. С. Динамова, А. Дьяченко, Л. Колпинского, Т. Рокотова и др., Жорж Фрильман информировал собравшихся об основных течениях в современной французской литературе...

Жорж Фрильман иллюстрировал свои положения конкретными примерами из творческой практики Жана Кассу, Андре Шамсона, Жюль Ромена, Жюль Бенда и других крупнейших художников современной Франции.

Очень знаменатель в этом смысле и цитирует Жюль Ромена, рассказавшего с ироничными примерами с фашизмом. Он постиг его звериную сущность и все ближе подходит к народному фронту.

Активнейшего друга приобрел народный фронт в лице талантливого критика Рене Лалу, милого которому «История современной французской литературы» Фрильмана...

Жорж Фрильман рассказывает о том интересе к русскому языку, к советской литературе, который наблюдался в последнее время во Франции.

С большим интересом следил французский писатель и критик Жорж Фрильман за дискуссией о формализме, а в самое последнее время — за дискуссией о вульгарном социализме.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Книжная хроника

ГОСИТГИЗДАТ ВЫПУСКАЕТ: «Записки охотника» — И. Тургенева. Иллюстрированное издание. Редакция текста К. Халабуева и Б. Зенкевича.

Московский сезон

Театр под руководством Р. Н. Симонова, начинающий свои спектакли в Москве в последние числа октября...

Де. Спектакль построен исключительно на фольклорном материале и состоит из двух частей. Первая — «Свадьба в таборе»...

Для Пушкинского юбилейного спектакля театр готовит «Дубровского», в инсценировке В. Гроссмана и в постановке заслуженного артиста республики Р. Н. Симонова.

Театр готовит постановку «Чаро-ваного странника» по Лескову. Над пьесой работает цыганский драматург Н. Панков.

По заданию театра пьесу из эпохи гражданской войны пишет драматург А. Давурян.

В сезоне намечена также постановка пьесы Лопе де Вега «Периванес» и командор Акальби и пьесы цыганского драматурга А. Германа «Цыганское счастье».

Изогиз выпускает большую серию пушкинских изданий.

В октябре во «Всекохудожнике» откроется выставка работ немецкого художника А. И. Кейля — одного из наиболее крупных революционных художников Западной Европы.

ВЫСТАВКА А. И. КЕЙЛЯ

В октябре во «Всекохудожнике» откроется выставка работ немецкого художника А. И. Кейля — одного из наиболее крупных революционных художников Западной Европы.

По нашим сведениям, впрочем, голландские опоздания миссионеры не подают равнодушных юнговцев.

ВРЕДИТЕЛИ ИЗ НОГИЗА

ОТ НАШЕГО ЛЕНИНГРАДСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

Издание книг на языках северных народностей, всего несколько лет назад получивших свою письменность...

По нашим сведениям, впрочем, голландские опоздания миссионеры не подают равнодушных юнговцев.

Ленгосиздат выпускает в этом году на национальных языках северных народностей народов Севера...

Ленгосиздат выпускает в этом году на национальных языках северных народностей народов Севера...

Какая-то бы, что любая советская организация, каждый советский работник, а тем более организации и работники, имеющие прямое отношение к книгоиздательству...

Какая-то бы, что любая советская организация, каждый советский работник, а тем более организации и работники, имеющие прямое отношение к книгоиздательству...

Умер Вас. Ив. Немирович-Данченко. Нам сообщают, что в эмиграции скончался на 83-ем году жизни выдающийся русский писатель Василь Иванович Немирович-Данченко.

Умер Вас. Ив. Немирович-Данченко. Нам сообщают, что в эмиграции скончался на 83-ем году жизни выдающийся русский писатель Василь Иванович Немирович-Данченко.

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...

Валентин Катаев написал для московской студии Совдетфильм сценарий по своему роману «Белеет парус одинокий»...